

Экологическая ниша. Очерк о теории поля в гештальт-терапии

Жан-Мари Робин

Предисловие редактора

По-видимому, не нужно подробно представлять автора данной статьи Жана-Мари Робина, вице-президента Европейской Ассоциации Гештальт-терапии, директора Французского Гештальт Института, руководителя долгосрочной программы для русских гештальт-терапевтов «Совершенствование в Гештальт-терапии». В сборнике «Гештальт-92» была опубликована его ранняя статья «Фигуры гештальта». В этом сборнике мы публикуем этот очерк, полученный Московским Гештальт Институтом непосредственно от Жана-Мари со специальными пожеланиями издать его на русском языке.

По мнению самого Ж.М.Робина, эта статья важна тем, что обсуждает базовое понятие гештальт-терапии «поле организм/среда» и обозначает новые методологические горизонты для гештальт-терапии как в плане концептуальных разработок, так и в рамках практической работы гештальт-терапевта. На наш взгляд, чтение данного текста является достаточно нелегкой работой. Во всяком случае, редактирование этой статьи этой статьи оказалось невозможным без длительного сопоставления первичного перевода, французского оригинала текста и предыдущих материалов Ж.М.Робина. Пользуясь случаем, мы благодарим за терпение и профессионализм переводчика И.Я.Розенталь, а также Н.Б.Кедрову и Е.М.Кларину за помощь в подготовке текста к печати.

Несколько комментариев к тексту. Непосредственного отношения к психотерапевтической практике гештальт-терапевта он не имеет. Читатель не обнаружит здесь ни гештальт-техник и приемов, ни описания сессий или нозологических типов больных. Более того, текст обрывается на интригующем разделе: «Выводы в области психотерапии». В таком случае, что же может дать чтение этой статьи? Понимание места гештальт-метода среди других психотерапевтических методов, психологической практики и теории, гуманитарных и естественных наук в целом. Понимание исторического развития гештальт-метода, современных проблем (кризисных точек) в теории (и косвенным образом, в практике) гештальт-подхода и перспектив развития метода в дальнейшем (например, в XXI веке, хотя непосредственно этот вопрос не обсуждается). Знакомство с некоторыми принципиально новыми подходами, в основном разработанными в смежных с психологией науками (биологией, социологией и др.), которые позволяют рассматривать поле «организм/среда» или поле «терапевт/клиент» как форму «метастабильного равновесия» или «морфогенетическую зародышевую структуру», что позволяет проектировать совершенно иные версии гештальт-терапевтической работы, а также

разрабатывать концепции гештальт-подхода в самых различных областях практики: педагогике, менеджменте, политике и др.

Поэтому не случайно, что мы, по согласованию с Жаном-Мари Робинем опустили последний раздел и не стали «заземлять» эти общие методологические размышления автора, открывающие новые возможности для развития гештальт-метода, «частными» выводами, касающимися психотерапии, тем более, что для России, этого «нового поля гештальт-метода» эти выводы могут оказаться не такими уж очевидными и надежными.

Мы надеемся, что читатель, который сможет дочитать этот текст до конца, самостоятельно сумеет сделать оригинальные выводы, касающиеся психотерапевтической или другой практики. Будем рады, если Вы пришлете в следующий сборник свои собственные публикации, относящиеся к развитию гештальт-метода.

Нифонт Долгополов

«Окружающая среда — это не замкнутое круговое пространство, а МЕСТО ДЛЯ. Именно в экологической нише живет и размножается один вид, хотя кажется, что она заполнена множеством других видов.

Опыт предшествует «Организму» и «Окружающей среде», которые являются абстрагированными от опыта.

Нет такой функции в любом организме, которая не была бы причастна к окружающей среде самым существенным образом. И наоборот, реальная окружающая среда, место, это то, что выбрано, организовано и приспособлено организмом.»

Пол Гудмен [1]

«Опыт происходит на границе между организмом и окружающей средой» [2]. Именно с этого основополагающего утверждения начинается гештальт-терапия. Статья посвящена проработке и развитию этой парадигмы и обсуждению теоретического и определенного методологического кризиса гештальт-терапии. «Назовем это взаимодействие организма и среды — «поле организм/среда»... Связь человеческого организма с окружающей средой, конечно, не только физическая, но и социальная. При изучении человека в психологии, физиологии или психотерапии мы должны также говорить о поле, в котором взаимодействуют по крайней мере социально-культурные, животные и физические факторы.»[3]

По прошествии более сорока лет после написания этих пророческих строк, некоторые гештальт-терапевты пытаются мыслить и вписать свою практику в эту перспективу поля, которое и становится их специфическим понятием, другие психологические и психотерапевтические подходы, кажется, постепенно акцентируют и значение взаимодействия, а иные возвращаются к традиционной модели, определяемой как «интрапсихическая» или расширяют ее до «интра-организмического», опираясь на биологическую или физиологическую парадигму, чтобы обосновать свой психотерапевтический подход.

Известно, что теория поля и выводы из нее после Курта Левина не стали объектом многочисленных углубленных изысканий, ни со стороны гештальт-терапевтов, ни со стороны исследователей в области гуманитарных наук. Более того, немногим позже введения в употребление Левиным понятия поля в психологию, другой исследователь сформулировал иной подход к сложным ситуациям, взятым в их целостности: фон Берталанфи с его Общей Теорией Систем [4]. В настоящее время системный подход и практические методы, которые из него следуют, в частности, в области гуманитарных наук, пользуются популярностью. Эта концепция является очевидной для тех, кто ведет практическую групповую работу (с семейными парами, семьями, учреждениями, организациями и т.д.), и гештальт-терапевты не избежали этого влияния. Что же тогда будет с понятием «поле» в свете этой концепции? Обе эти концепции дополняют друг друга? Или они антагонистичны? Исключают одно другое? Понятия, которые они вводят, могут ли они легко перейти из одного в другое? Сколько вопросов, на которые я не претендую ответить, но хочу внести какой-то вклад в обсуждение вопроса.

Мои рассуждения будут состоять прежде всего в том, чтобы представить обзор «теории поля» в гуманитарных науках, и в частности в психотерапии. Затем они будут направлены на то, чтобы попытаться прояснить логические уровни различных концептуальных шагов, используемых терапевтом и для того, чтобы разрешать ситуации, с которыми они сталкиваются. Исходя из этого, я представлю несколько соображений в связи с понятиями, возникшими в результате современных исследований, которые мне кажутся логичными и совместимыми с теорией гештальт-терапии, прежде чем приступить к рассмотрению следствий (выводов) на уровне практики.

1. Теория поля

Заимствованное из наук о природе конца XIX в. гештальт-терапией, понятие поля вносит в гуманитарные науки одну из фундаментальных парадигм. Оно позволяет описать взаимодействие (взаимосвязь) сущностей и функций целого и его частей посредством аналогии с явлениями, описанными в связи с магнитным полем.

Магнитное поле.

Если поместить магнит на поверхность, покрытую железными опилками, опилки разложатся определенным образом по отношению к магниту и таким образом выявят линии сил своего магнита, которые называются «магнитным полем». Другой пример: разместим в пространстве три магнита, эти три магнита ориентированы определенным образом и обладают измеряемыми магнитными массами. Они немедленно создают магнитное поле, являющееся результатом магнитных полей каждого из этих трех магнитов. Поместим в это поле кусок мягкого немагнитного железа: он немедленно намагнитится в зависимости от поля, созданного тремя магнитами, и в то же время, он будет воздействовать на созданную структуру этого поля, участвуя в создании этого поля. Воздействие поля в данной точке может быть измерено «градиентом» поля.

Расширение понятия поля

В разговорном обиходе, так же как и в специализированных областях, можно услышать, например, как говорят о «зрительном поле (зрения)», о «поле сознания», о «поле исследования», о «поле медицины» или какой-нибудь другой науки и т.д., а

гештальт-терапия будет говорить о поле организм — окружающая среда, таким образом определяя свою предметную область и вообще область психологической науки.

Основной принцип теории поля.

Основной принцип является общим при всех употреблениях понятия поля, хотя разными авторами он мало или совсем не отмечается. Именно этот принцип, как мне кажется, позволяет нам дифференцировать эпистемологию и методологию теории поля от некоторых других, таких как теория систем, область применения которых часто является общей с теорией поля. О чем бы не говорили, о поле зрения, о поле психологии или магнитном поле, указывается область, которая соотносится с конституирующим ее принципом: поле зрения существует лишь в своей соотнесенности с глазом, поле психологии с психологией, магнитное поле с данным магнитным источником.

Это организующий принцип кроме того характеризуется особым образом: он принадлежит полю, его определяет и сам подчинено силам этого поля. Организующий принцип, теоретически рассуждая, не может рассматриваться в качестве обособленной целостности, если только не попытаться заняться абстракцией, и «вынуть» его из поля в целях особого анализа. В этом случае, методологический аппарат теории поля оказывается не приспособленным для того, чтобы исследовать рассматриваемый элемент изолированно. Операция отделения от магнитного поля куска металла, называемого «магнитом» для изучения его структуры, например молекулярной, приводит к изменению логического уровня анализа, который не может позволить исследовать феномен «магнитного поля».

Специфика организующего принципа поля, кроме того, определяет специфику способов исследования феноменов этого поля; совокупность феноменов, характеризующих данное поле может быть выявлена в зависимости от того, существует ли надлежащий инструмент. Приведем пример: мы знаем, что радиоволны распространяются передатчиком и ловятся приемником типа радиоприемника. Очевидно, что эти волны существуют и в нас проникают независимо от возможности нашего владения таким приемником, а следовательно отсутствие радиоприемника не могло бы быть достаточным условием, чтобы отрицать существование таких волн. Таким образом можно выдвинуть предположение о существовании некоторых полей (естественных или нет), выявление которых нам не позволяют осуществить современное состояние наших знаний и инструментов.

Организующий принцип может быть задан теоретически (или парадигматически). Таким образом, если интересуются полем зрения, то будут ссылаться на «теоретический глаз», так как мое поле зрения не соотносится с твоим зрительным полем. Именно в этом случае обобщение опыта, относящегося к единичным полям позволяет подойти к концептуализации поля данного типа.

Законы поля.

В поле, каким бы оно ни было, элемент обладает двумя статусами и выполняет две функции [5]:

1. Как подверженный воздействию поля, он подчинен силам поля; он находится в какой-то градиента, при помощи которого можно представить распределение поля.

2. Он выступает в поле активным творческим началом, изменяя силовые линии и распределение градиента. Таким образом существует взаимосвязи между функцией целого и функцией элемента внутри поля; существуют тонкие процессы взаимодействия между частями, опосредованные целостностью, в которой происходят эти взаимодействия.

Теория поля в гештальт-терапии.

Хотя именно с Левином связано употребление понятия поля в гуманитарных науках, его великие предшественники — Келер и Вертгеймер также не должны быть забыты. Малколм Парлетт [6], используя труды этих исследователей, смог выявить характеристики теории поля, сформулировав их в пять важных принципов:

1) Принцип организации. Мы можем понять что-либо лишь исходя из рассмотрения целостной ситуации, состоящей из совокупности сосуществующих явлений. «Значение простого явления (факта) зависит от его положения в поле; различные части поля находятся в обоюдной взаимозависимости.» [7]. Левин предлагает выйти за пределы постоянных свойств предметов — которые предполагаются постоянными в других системах отсчета, чтобы подчеркнуть взаимозависимость. Он не отрицает, что могут существовать неизменные величины в структуре ситуации: структура и функции не являются отдельными сущностями но, являются двумя модусами к неделимой целостности.

2) Принцип современности. Именно в поле, существующем в настоящий момент, обнаруживается совокупность воздействий, которая «объясняет» актуальность поведения. Таким образом, не придается особого значения ни категории причинности, ни детерминации прошлого. То же самое относится к будущему. Единственно возможной частью поля могут быть осуществляемые субъектом «здесь и сейчас воспоминания о прошлом» или «здесь и сейчас антиципации о будущем».

3) Принцип уникальности. Каждая ситуация, поле каждого человека в какой-то ситуации, уникальна. Всякое обобщение таким образом является сомнительным: значения, конструируемые индивидуальным образом и обобщенные выводы не идентичны. Это не отбрасывает совсем принципы сходства, связности и последовательности, а также принципы генерализации, без которых невозможно было создавать теории, но побуждает отодвинуть их на задний план, чтобы предоставить преимущество анализу специфики данной ситуации.

4) Принцип «изменяющегося процесса». Опыт — явление временное, ничто не является абсолютно зафиксированным и неизменным. Этот принцип уже был выявлен Уильямом Джеймсом [8] в его теории «потока сознания», которая подчеркивала меняющийся от одного мгновения к другому характер опыта, необходимость непрестанно воссоздавать наше восприятие «реальности».

5) Принцип возможных существенных связей. Согласно этому принципу ни одна часть поля не должна быть ни исключена, ни рассматриваться априори как несущественная. Любой элемент поля является составной частью всей совокупной целостности и является потенциально значимым. Автоматизмы, ставшие незаметными,

должны быть также приняты во внимание, как и явления, которые могут привлечь к себе внимание своей значительностью и содержательностью.

Проблема метода.

Чтобы продолжать следовать собственным принципам, любой научный подход, основанный на теории поля, должны исследовать свой объект, не забывая, что исследователь и его объект в свою очередь составляют поле, которое подчинено принципу взаимного воздействия и, именно это собственно является объектом исследования. Это значительно усложняет метод, в частности в гуманитарных науках, т.к. если можно представить, что эффект взгляда астронома на звездные поля может быть относительно незначительным (это простое предположение профана), легко можно будет понять, что воздействие взгляда наблюдателя, например на взаимодействие супружеской пары, является значительным до такой степени, что трудно понять, зависит ли, то что наблюдается от супружеских отношений или это является следствием присутствия наблюдателя.

Поле организм/окружающая среда.

Гештальт-терапия, когда она ссылается на теорию поля, занимается специфическим полем, которое она называет «поле организм / окружающая среда». Таким образом, ее концептуальный и методологический аппарат был разработан для изучения этого специфического поля. Организм/окружающая среда необходимо понимать как обозначение явлений (которые гештальт-терапия называет «контактом»), которые происходят между данным организмом и его окружающей средой, между субъектом и тем, что не является субъектом. Здесь организм выступает как организующий принцип, основной элемент, а окружающая среда является другой частью поля, приче сам организм включен в это поле.

Даже если окружающая среда (или элемент окружающей среды данного организма) сама является «организмом», концептуальный и методологический аппарат гештальт-терапии не вполне приспособлен для изучения связи организм/другой организм. Поскольку каждый из этих организмов конституирует опыт того особого поля, в которой он является организующим принципом. Организм, в теории гештальт-терапии, является, конечно «извлечением» (абстракцией) поля, т.е. абстрагированным элементом, извлеченным из неделимого более открытого целого, названного здесь полем «организм/окружающая среда», но гештальт-терапия способна изучать на основании теории поля, то, что происходит между организмом и тем, что им не является, рассматривая организм как субъект опыта. Ситуация, таким образом, совершенно ассиметрична. Гештальт-терапия направлена на то, чтобы понять, как организм будет влиять на свою окружающую среду и внутри ее, с одной стороны, а с другой как окружающая среда будет влиять на организм, но все это рассматривается в фокусе организма, конституирующего это поле.

Таким образом, оба полюса поля не могут, по крайней мере при помощи этого концептуального аппарата, быть определены как отдельные сущности, даже если их можно разделить на других логических уровнях. Необходимо констатировать, что теория поля организм /среда в гештальт-терапии, хотя и заимствует многое из общей теории поля, отличается от нее тем, что ограничивает себя реакциями специфического организма по отношению к собственной окружающей среде, и наоборот.

2. Логические уровни терапевтического подхода. Некоторые выводы в концептуальном аппарате.

Принимая во внимание логику, употребляемую до сих пор при нашем подходе к вопросу о поле, понятие взаимодействия и его различные производные являются относительно мало эффективными, чтобы дифференцировать феномены поля от феноменов системы. Понятие «взаимодействия» относится к отдельным сущностям. Даже если элементы, находящиеся во взаимодействии принадлежат к одной и той же области. Свойства, приписываемые элементам, не могут просто проистекать из присущей им природы. Во взаимодействии реципрокные отношения выступают на первый план, даже если они и не симметричны, а наблюдатель сталкивается с воздействием А на В и В на А, А и В составляют при этом общее поле, которое я называю «системой» а сам наблюдатель является составной ее частью. Можно было бы сказать, что поле А, поле В и поле О во взаимодействии и через взаимодействие составляют систему. Если наблюдатель О хочет изучать свою связь с подсистемой АВ как целостную, исключаящую его Я, как он влияет на эту под-систему и подвергается ее влиянию, он будет опираться хотя бы эмпирически на теорию поля. Он сможет, возможно, перевести этот подход в более расширенный контекст, перейдя на другой логический уровень, чтобы рассматривать уровень взаимодействия с точки зрения системного анализа., который тоже принадлежит системе.

Таким образом, понятие взаимодействия (интеракция) позволило бы подойти к вопросу с сущностями, которые составляют поле, с их обособленным индивидуальным характером. Понятие типа «интра-акция» было бы необходимо, чтобы давать себе отчет о внутренних движениях поля, изучаемых в их неделимой целостности.

В рамках подхода, основанного на теории поля, «место» возникновения явления, которое объединяет элемент и его контекст, является границей, которая одновременно ограничивает и связывает. Я ставлю слово «место» в кавычки, т.к.в зависимости от модальности опыта, это место может быть не связано с пространством. Это место двустороннего опыта, называется в гештальт-терапии «граница контакта». «Граница контакта» не отделяет организм от окружающей его среды, скорее она ограничивает организм, содержит его и охраняет, но в то же время обеспечивает контакт с окружающей средой.[9]. Таким образом, основным феноменом, который может показать другие феномены, возникающие в поле, является то, что гештальт-терапия называет «контактом».

Это понятие контакта, в отличие от понятия взаимодействия, которое может указывать на процесс с чередующимися действиями, предполагает обязательно симультанность (одновременность). Так как этимология термина «контакт» указывает на состояние двух тел, касающихся друг друга, «прикосновение» может оказаться больше, чем метафорой. Во всяком случае, следует заметить, что осязание это единственное из наших пяти чувств, которое предполагает одновременную реципрокность (взаимосвязь). Я могу видеть, не будучи увиденным, слышать, не будучи услышанным, и т.д., но я не могу дотронуться не будучи касаемым самим объектом моего осязания.

Специфичность различных подходов

Следует заметить, что вступление в контакт организма с окружающей средой наблюдается лишь на «внешней стороне» границы контакта», даже в самой окружающей среде. Если мы снова обратимся к примеру магнитного поля, мы можем наблюдать (не разрушая поле), воздействие магнита на окружающую среду, воздействие же среды на элемент невозможно наблюдать, разве что только лишь через новое ответное воздействие магнита, которое он окажет на окружающую среду. Возможное структурное изменение элемента-магнита невозможно пронаблюдать, если не извлечь его и не разрушить. Таким образом, его изменение определяется актом умозаключения, т.е. умственного действия, которое состоит в том, чтобы определить то, что лежит «внутри» наблюдаемых фактов.

В области психологии некоторые понятия также требуют такого акта умозаключения и будут рассматриваться как «интрапсихические». Эти умозаключения являются решениями, принятыми психологом, чтобы попытаться объяснить некоторые факты наблюдения. Это относится к таким понятиям, как «подсознание», «оно» или «супер-эго», «вытеснение», «расщепление», и т.д. которые описывают предполагаемые явления сверх наблюдаемых фактов.

Другие понятия относятся к феноменам поля: эмоции, проекция, интроекция, перенос, эмпатия, возбуждение, проективная идентификация, компетентность, восприятие... Они указывают на модальность контакта организма с окружающей средой и обратного контакта.

И наконец, третьи понятия относятся к системному подходу, т.к. в их определении значение взаимодействия находится на первом месте: связь, иерархия, диалог, симпатия, инцест, любовь, власть, отношение Я — Ты, и т.д.

Разумеется, необходимо уточнить, что включает в себе каждое из этих понятий. Так «энергия», «компетентность» указывали бы прежде всего на способность, потенциал, в то время как понятие «власть» предполагает, чтобы кто-то другой ей подчинился и позволил бы таким образом осуществить потенциал этой власти.

Подобный список имеет недостатки в связи с тем, что он является сокращенным и неполным, но он побуждает внести ясность в вопрос о том, к какому уровню относится то или иное понятие и в то же время он отражает взаимопроникновение указанных уровней, или что еще точнее, он заставляет подойти к изучению определенных проблем специфическим образом на каждом из трех вышеизложенных уровнях (в той мере, в какой эти проблемы могут относиться к этим трем уровням). Возьмем в качестве характерного примера перенос. На интра-психическом уровне, практик будет сосредоточен на архаической организации «отношенческого» опыта в его психических структурах.

На уровне поля практик будет рассматривать перенос в качестве способа «соприкосновения с миром» как повторяющийся рекуррентный паттерн. На уровне системы практик не будет отделять перенос от контрпереноса и будет изучать, как одновременно разворачиваются оба феномена и их взаимная активность.

Эти три уровня могут также позволить рассматривать эволюцию и дифференциацию некоторых направлений психоанализа. Если можно сказать, что Фрейд продвинул развитие психоаналитической модели в сторону метапсихологической позиции и к все более и более интрапсихической. Можно было бы также сказать, некоторые из его последователей склоняются к теории поля, а другие занимают позицию в большей мере системную. Психоанализ Клайна, в некоторых его аспектах, психоанализ теории объектных отношений, или так называемый интерсубъективный психоанализ, как мне кажется, видят преимущества в интеракционистской модели, венгерский психоанализ или англо-саксонский Балинта, Винникотта и других, с такими понятиями как «мать — окружающая среда» (Винникотт) или «преобразующая мать» (Боллас) более близки к теории поля. Остается выяснить, и мы к этому при случае вернемся, возможен ли анализ, основанный на подходе к переносу в рамках «Психоанализ как биперсональные поля». (В & М. Баранже) [11].

Если гештальт-терапия ясно обозначает свою позицию, основанную на теории поля, и в этом одна из ее особенностей, это не исключает, что на заднем плане она связана с фрейдистской метапсихологией, допускающей много выводов, касающихся, с одной стороны, интрапсихического, и, с другой стороны, системным подходом, позволяющим учитывать терапевтическое взаимодействие. Некоторые понятия, упомянутые Перлзом и Гудманом, как например, понятие вытеснения отсылают нас, в некоторых своих значениях, к интра-психической модели. Более современные направления в гештальт-терапии, как например те, которые сосредотачивают свое внимание на «диалогическом отношении Я — Ты» совершенно отчетливо более системны, так же, как и практики гештальт-терапии в семье и организациях.

Всякая наука всегда склонна расширять свои границы, завоевывая территории в смежных науках. Таким образом науки, где доминирует «интрапсихическое», скорее всего, будут предпочтительно расширять свои пределы, в сторону эпистемологии поля; это также касается и системного подхода, который все больше будет заниматься работой по изучению поля «организм / окружающая среда». Наука, основанная на теории поля, находящаяся между этих двух наук может легко повернуться к каждой из этих двух. Таким образом, если мы видим, как некоторые гештальт-терапевты пытаются расширить свою модель в сторону наук об организме (в частности биологии), тоже самое могло бы произойти и в сторону наук об окружающей среде (социологии, политике, культурологии и теологии), или в направлении трансперсонального, что некоторые неловко пытаются сделать стремясь выйти в «надиндивидуальное измерение». Различие между интра-психическим уровнем и межличностными уровнями находится в центре нынешних дискуссий и кажется проясняется благодаря парадигме развития [10]. Используемые понятия во всяком случае довольно ясно помечают области, где они возникли и где применяются.

Различие между системным уровнем и уровнем поля оказывается гораздо более подвижным, если системность не сводят к механическому подходу. Это то, что можно

было бы назвать «системностью второго рода», которая гораздо более «устойчива» к упрекам в механистичности» в той мере, как она обеспечивает рассмотрение присутствие наблюдателя / третьего лица как составной части системы. На практике, так же как и в концептуальной разработке, нам кажется, что кроме «декларации о намерениях», эта новая системность функционирует как наслоение или последовательное развертывание подходов: системный традиционный подход к изучаемой системе (не учитывающий третье лицо), а затем за ней следует (и ее уравнивает) подход, сформулированный эмпирической теорией поля, которая рассматривает взаимодействие наблюдатель/изучаемое системное явление. Критические замечания, выраженные по поводу смелого исследования Жозеля Лайнера «Теория поля, теория систем в гештальт-терапии» [11], как мне кажется, зиждется на незнании о переходе к этой второй системности.

Гари Йонтев [12], со своей стороны, справедливо считает необходимым установить различие между «полем» и «теорией поля». «Теория поля» в гештальт-терапии, так же как и подход К.Левина, могли бы, в своей парадигме, вероятно вступить в противоречие с общей теорией систем, тогда как «поле» является феноменом, открытым для различных видов теоретизирования, подход Левина, представляет один образец, подход в гештальт-терапии — другой, даже прием Фон-Берталанфи — еще третий... Много противоречий могут быть связаны с неразличением этих понятий.

3. Современный вклад в теорию поля.

Гештальт-терапии была известна лишь одна форма, форма равновесия, устойчивого равновесия. Понятие формы определяется как состояние, к которому стремится система, в котором разряжается ее напряжение и находит равновесие. Это устойчивое равновесие исключает всякую эволюцию, всякое становление, потому что оно соответствует самому низкому уровню потенциальной энергии: все возможные преобразования были осуществлены, более не существует никакой силы, весь потенциал актуализирован и система больше не может трансформироваться в нечто новое.

Однако во многих системах и, в частности, в области живых систем, надо ввести понятие потенциальной энергии системы («автотрансформации» Пиаже, или принцип «изменяющегося процесса» Левина), понятие «порядка», даже понятие «растущего увеличения энтропии».

Симондон [13] предлагает выйти из дуализма стабильности в противовес нестабильности (движение в противовес покою), введя понятие метастабильного равновесия.

Метастабильность.

Живое существо сохраняет в себе активность постоянной индивидуации: «он не только результат индивидуации, но и театр индивидуации. В нем существует режим внутреннего резонанса, вызывающий постоянную коммуникацию и метастабильность, которая является условием жизни.» «Самое стабильное состояние — это состояние

смерти: это состояние разрушения, начиная с которого невозможна более никакая трансформация без вмешательства внешней энергии в разрушенную систему». Ситуация метастабильности связана таким образом с потенциальной энергией какой-нибудь системы. Живое существо, в частности человек, не располагает каким-то стабильным элементом, в которой никакая трансформация не являлась бы возможной. Он обладает тем, что Симондон называет трансдуктивной целостностью, т.е. он может перемещаться по отношению к самому себе, выводить себя за пределы с той или с другой стороны своего центра.

Трансдукция.

Метастабильные элементы при их кажущейся стабильности несомненно составляют фиксацию, порождающую страдание и симптом. Можно ли сказать, что у терапевта появится побуждение их идентифицировать и позволить привести их в движение?

Симондон называет трансдукцией [14] всякое действие (физическое, биологическое, умственное, социальное...) благодаря которому «активность постепенно распространяется внутрь области, основывая это распространение на структурировании области, производимого от одного места к другому»: каждая область сформированной структуры служит организующим принципом и моделью для следующей области, началом формирования, так что модификация таким образом постепенно распространяется одновременно с этим структурирующим действием. (Без всякого сомнения, в этом увидят основание для нового вида аналогического парадигма, такого, который проявляется, голографическим действием.)

Новое определение «хорошей» формы в гештальт-теории.

По-видимому, основываясь не на понятии стабильного равновесия, а на понятии метастабильного равновесия некоторое количество проблем (и ограничений) может быть решено: «хорошая» форма, такая, какую нам предлагает гештальт-психология, более уже не простая форма, геометрическая форма, прегнантная и т.д., но форма сигнификативная, значит, запечатлевающаяся в сознании, т.е. та, которая устанавливает трансдуктивный порядок внутри метастабильной системы, реальной системы, содержащий в себя потенциал изменения.

Симондон подчеркивает таким образом противоречие между понятием стабильного равновесия, которое является как бы выражением функционирования закона прегнантности восприятия, и понятием «хорошей» формы, которая была бы более вероятна: самое стабильное состояние, объясняет он, это состояние смерти. Это, как говорилось выше, состояние разрушения, начиная с которого невозможна никакая трансформация без вмешательства внешней энергии в разрушенную систему. Таким образом процессы разрушения были бы в гештальт-теории процессами создания «хорошей» формы.

Информация.

В системе, находящейся в метастабильном равновесии (т.е. подверженном эволюции) понятие формы должно быть, по Симондону, дополнено, исправлено (даже заменено?) понятием информации. Для того, чтобы имела информация, надо, чтобы было какое-то новшество, неожиданность: информация соответствует противоположности вероятности, противоположности процессов разрушения, негативной энтропии (или негэнтропии).

Теория информации традиционно знает об установлении взаимосвязи, и наблюдает за установлением взаимосвязи между эмиттером и передатчиком рецептором, но, парадоксально: что чем теснее связи между рецептором и эмиттером, тем меньше будет количество информации, т.к. рецептор, из-за своей «близости» с эмиттером, обладает большей вероятностью знать информацию, предположительно являющейся новой. Следовательно, когда мы обсуждаем эту проблематику, нам важно не только понятие количества информации, но и качества, т.е. напряженности информации.

Последствия.

Понятие формы, следовательно, играет первостепенную функциональную роль: форма — это зародыш структуры [15], т.е. она обладает некоторой направляющей и организующей силой. Понятие информации необходимо, чтобы ввести взаимодействие (реципрокность) и обратимость (реверсивность) явлений поля. «Трансдуктивное действие» [16] производит распространение структуры, завоевывающей постепенно поле, начиная с зародыша структуры, подобно тому, как перенасыщенный раствор кристаллизуется, начиная с кристаллического зародыша; это предполагает, что поле находится в метастабильном равновесии, т.е. скрывает потенциальную энергию, которая может освободиться только посредством возникновения новой структуры, которая является как бы решением проблемы; с этого времени информация необратима: она является организующим вектором, действующим на небольшом расстоянии от зародыша структуры и завоевывающим поле: зародыш — передатчик, поле — рецептор, а граница между эмиттером и рецептором непрерывно перемещается, по мере того, как действие производящее форму, распространяется по полю. Граница между зародышем структуры и организующимся метастабильным полем является модулятором... Действие модуляции [17] может развертываться в микроструктуре, которая продвигается распространяясь в область, которая формируется, устанавливая подвижную границу между информированной частью (т.е. стабильной) и частью еще не «информированной» (т.е. еще метастабильной) области».

Но в этом трансдуктивном действии модуляции, совсем не всякая форма может вызвать реализации потенциальной энергии любого метастабильного поля: напряжение формы какой-нибудь структуры зависит от поля, к которому она относится (перенасыщенная жидкость не может кристаллизоваться от любого зародыша). Поле, которое может принять форму является системой, в которой аккумулирующиеся потенциальные энергии устанавливают метастабильность, благоприятную для преобразований [18]. Этот зародыш формы [19], который может начать

формообразование только в определенный момент перенасыщенности и, следовательно, зрелости организма, нас склоняет к тому, чтобы считать, что любая гуманитарная наука должна основываться на человеческой энергии, а не только на одной морфологии; она должна соединить в себе аспект архетипа, т.е. зародыша структуры в процессе формообразования и аспект связи между веществом и формой.[20]. Симондон предлагает оставить термин «поле» для обозначения напряжения формы, и он назовет «областью» совокупность реальности, которая может произвести структурирование, которая может обрести форму, благодаря трансдуктивному или другому действию [21].

Именно образование формы, совершаемое в метастабильном поле, создает конфигурации. В состоянии перенасыщенности, явление готово произойти, структура готова к возникновению: достаточно, чтобы появился зародыш структуры; а иногда случай может создать эквивалент этого зародыша структуры.

Энтропия.

Второй закон термодинамики [22] касается явления энтропии: если исследуемая система является закрытой системой, то ее спонтанное развитие в смысле энтропии является нарастающим [23], т.е. «качество» энергии деградирует постоянно, в то время как ее количество остается неизменным. Происходит так, что энергия более не способна выполнять работу. Негативная энтропия (или негэнтропия) иногда обозначает качество различных действий, возможных в данной системе.

В рамках статистической теории, второй принцип термодинамики формулируется: «предоставленная самой себе, закрытая система стремится к максимальному беспорядку, наиболее вероятное будет характеризоваться максимальной энтропией.

Используемая в теории информации, негативная энтропия соответствует информации, т.к. информация доставленная каким-то сообщением или событием тем больше имеет значения, чем вероятность ее появления меньше, а с другой стороны, она ориентирует и вносит порядок в рассматриваемую систему. Фон Берталамфи, теоретик систем, выявил, что в живых системах, которые являются открытыми системами, именно роль негативной энтропии дает им возможность повышать уровень организации и порядка, бороться против дезинтеграции, вызванной нарастанием энтропии, возрождать энергию и организацию, черпая их в окружающей среде: можно существовать и развиваться только вместе и путем обмена со средой.

Однако окружающая среда привносит не только лишь порядок: она является источником нарушений и случайных явлений, следовательно — беспорядка. Этот беспорядок одновременно представляет угрозу и обогащение сложности живущей системы. Введение информации (негэнтропии) позволяет выработать все больше многочисленных гомеостатических ответов, но чем больше система разрабатывает гомеостатические вопросы, все более она этим ограничивается и становится механизированной и негибкой. Поэтому когда система представляет максимум энтропии, тогда она достигает максимума гибкости [24]. Гибкость живущей системы заключается в ее способности нарушить собственный порядок, чтобы открыться «возможности изменения». Для Эдгара Морэна [25], единственная реальность — это соединение порядка и беспорядка. Это соединение связано с идеей организации, взаимодействия и

трансформации: «Порядок мертв: порядок-принцип сверхвременной и сверхпространственной неизменности, можно сказать, порядок Законов Природы».

Как справедливо замечает Ж.Мьермон [26], терапевты, хотя бы они этого или не хотят, вынуждены открытым или неявным образом вести этот спор как в своих теориях, так и в своей практике. И если иногда они оставят этот эпистемологический спор, который остается и патетическим и открытым, конфликтный опыт противостояния порядка и беспорядка находится в центре человеческих отношений и контакта организм/окружающая среда». Понятия гештальт», «хоро-шая форма», «создание/разрушение гештальтов», «устойчивый геш-тальт», представляют формулировку, избранную авторами унитарного подхода, чтобы ближе подойти к этим явлениям в терапевтической области.

Морфогенетические поля.

Теория морфогенетических полей была выдвинута А.Гурвичем в 1922 году, затем П.Вайсом в 1926 г. Однако ни один из этих авторов не пошел в то время дальше простого подтверждения значения этих полей при контроле морфогенезиса, в частности никто из них не объяснил, что поля из себя представляют и каким образом они функционируют. Надо было дождаться работ Уодингтона (1957) и позже трудов Рене Тома, чтобы немного лучше воспринять эту рабочую гипотезу. В настоящее время, в частности среди биологов, эта теория является предметом важных научных исследований. Основная формализация теории принадлежит Руперу Шелдрейку [27], автору трех научных трудов и многочисленных статей, посвященных этой теме. Гештальт-терапевт не может оставаться безразличным к этим научным положениям в такой мере, в какой они рассматривают генезис форм, отметим, что наш метод касается «терапии форм», с одной стороны, а с другой — курьеза ради, отметим, что Шелдрейк основывает направление, которое он поддерживает среди других, на работах Ж.-К.Смутса, вдохновителя Перлса, и даже напрямую на гештальт-терапии [28].

В этой теории, невидимые поля образуются и являются матрицей всякой формы, развития и образа действий, и могут действовать во времени и пространстве. Таково поле, которое рассматривается как причина специфической формы. Так же, как и все другие типы полей (гравитационные поля, электромагнитные поля...) морфогенетические поля непосредственно неосязаемы и мы можем сделать вывод о них, только отталкиваясь от их морфогенетических эффектов. Эти поля относятся, конечно, к области биологии, социальных и психологических наук и т.д.

«Морфогенезис не происходит в пустоте. Он начинается только с уже организованной системы, которая служит морфогенетическим зародышем (...). Морфогенетический зародыш это часть будущей системы (...). Остальная часть поля заключает в себе виртуальную форму окончательной системы, которая осуществится только тогда, когда все ее материальные части будут находиться на своих надлежащих местах» [29]. Эта идея о морфогенетическом зародыше странным образом схожа с идеей о зародыше структуры, выдвинутой Симондоном.

Морфический резонанс.

Этот процесс влияния осуществляется благодаря тому, что Шелдрейк называет «морфическим резонансом», определяя его только по аналогии [30]: он похож на эффект, наблюдаемому когда струны музыкальных инструментов вибрируют из «симпатии» в ответ на специфическую звуковую волну. Каждая система реагирует только на особую частоту.

Форма и энергия.

Различные упомянутые явления (в различных типах полей) объясняются комбинацией понятий, относящихся к пространственным и энергетическим полям. Энергия может рассматриваться как причина изменения, но побуждение к изменению зависит от пространственной структуры полей. Шелдрейк предлагает аналогию из области архитектуры: чтобы построить зал, необходимы строительные материалы, рабочие, чтобы собрать эти материалы, и архитектурный план, который определит форму дома. Из одних и тех же материалов и одинаково затраченной энергии, мог бы возникнуть совершенно другой дом, если бы строительство основывалось на другом плане. На этом основании, план может рассматриваться как одна из причин, хотя он и не является энергией в себе. Система, связанная с другим морфогенетическим полем, получила бы другое развитие.

Литература.

1. Little Prayers and Final Experience, Harper & Row, NY, 1972, pp.5,7,9.
2. Perls F., Hefferline R., Goodman P. (1951) Gestalt-therapie, II, 1,1, Montreal, Stanke 1979.
3. Там же. II, 1,2.
4. Von Bertalanffy (1968): Theorie Generale des Systemes, Dunod, Paris 1973.
5. Simondon G. (1989) L'individuation psychique et collective, Aubier, Paris.
6. M.Parlett (1991) Reflections on Field theory, British Gestalt Journal 1,2.
- M.Parlett (1992) Field theory, conference au 4 congres europeen de Gestalt-therapie.
- M.Parlett (1992) Communication a la Writers Conference du Gestalt-Institute of Cleveland.
7. K.Lewin (1952) Field theory in Social science. Tavistock, Londres.
8. William James (1908): Precis de Psychologie, Marcel Riviere Ed. Paris 1946.
9. PHG, op. cit. II, 1,3.
10. См. например, Stern Daniel N. La dialog entre l'intra-psychique et l'interpersonnel: une perspective developmentale.
11. The Gestalt Journal, NY, Automne 1983, V.VI,2 12.Communication personnelle, 1993, см. также Yontef G. Modes of thinking in Gestalt therapy. Gestalt Journal, v.VII, 1, NY,1984. 13. Simondon, op.cit. p.14.

14. Simondon, op.cit. p 24-25
15. Simondon, op.cit. p 31
16. Simondon, op.cit. p 32-33
17. Simondon, op.cit. p 55
18. Simondon, op.cit. p 59
19. Это зародыш формы, который Симондон вслед за Платоном называет прототипом.
20. Форма, определенная Аристотелем, в противоположность понятия прототипа Платона.
21. Трансдуктивное действие не единственное — существуют также деструктивные процессы, являющиеся разрушительными и структурирующим.
22. Sadi Carnot, 1850
23. «Entropie» in Dictionnaire des Terapies familiale, sous la direction de J.Miermont, Payot, 1987.
24. Bateson
25. La Nature de la Nature. La method. tome 1, seuil 1977
26. op. in note 20
27. Une nouvelle Science de la Vie, l'hypothese de la causalite formative (1981).
28. ibid. p.83
29. ibid. pp.104-105.